

И.А.Скулкин

ТРИУМФ И КРУШЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ: ЛОГИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ГЕГЕМОНИСТСКОЙ ПАРТИЕЙ

Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico.* — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. — 296 p.

Ключевые слова: Институционально-революционная партия, система с гегемонистской партией, патронаж, авторитарный эквилибrium, демократизация

Книга Беатрис Магалони «Голосование за автократию: долговечность и крах гегемонистской партии в Мексике» представляет читателю глубокий анализ причин устойчивости и падения одного из самых продолжительных авторитарных режимов XX в. Мексиканская Институционально-революционная партия (ИРП) непрерывно удерживала власть с момента своего создания в 1929 г.¹ и до 2000 г., когда на президентских выборах победил кандидат оппозиционной Партии национального действия (ПНД) Висенте Фокс. При этом на протяжении всего указанного периода в стране регулярно проводились выборы, к участию в которых была допущена оппозиция. Тем самым работа Магалони встраивается в ряд исследований, проливающих свет и на природу и причины жизнеспособности «электорального авторитаризма».

Для объяснения результатов выборов в условиях ограниченной конкуренции автор использует многофакторную теоретическую модель авторитарного эквилибрия, основными элементами которой являются способность правящей элиты противостоять расколам, общественная поддержка и дилемма оппозиции. Работая в рамках теории рационального выбора, Магалони сумела объединить в исследовании комплекс таких переменных, влияющих на выбор элитами, массами и оппозицией той или иной стратегии, как экономическое развитие, патронаж, идеологические размежевания и политические институты.

Во вводной части работы дается последовательное определение объекта исследования. Мировой опыт демонстрирует довольно большое разнообразие партийных систем, при которых у власти десятилетиями

¹ До 1938 г. она именовалась Национально-революционной, а до 1946 г. — Партией мексиканской революции.

ями находится одна партия. При решении проблемы классификации Магалони опирается на классическую схему Джованни Сартори, проводя различие между системами с доминирующей партией (*predominant-party system*), или «нетипичными демократиями» (*uncommon democracy*), когда правящая партия удерживает власть на протяжении не менее чем 20 лет, преодолевая сопротивление оппозиции в ходе свободных выборов, и системами с гегемонистской партией (*hegemonic-party system*), в рамках которых непрерывное пребывание у власти одной партии обеспечивается полуавторитарными средствами. По мнению Магалони, для различения доминирующих и гегемонистских партий можно использовать такой критерий, как количество мест в законодательном собрании: согласно статистическим данным, доминирующие партии обычно контролируют порядка 55% мест в законодательном собрании, тогда как гегемонистские располагают квалифицированным большинством, что позволяет им вносить изменения в конституцию, не вступая в коалиции с другими партиями (с. 39). Системы с гегемонистской партией следует также отличать от однопартийных систем (*single-party system*), при которых оппозиционные партии фактически запрещены, что существенно снижает уровень конкуренции и лишает членов правящей партии возможности перейти на сторону оппозиции.

Вопреки распространенному мнению, согласно которому системы с гегемонистской партией держатся за счет электоральных нарушений, было бы неверным сводить причины устойчивости таких режимов к фальсификации выборов. Мексиканский опыт показывает, что гегемонистская партия может побеждать с большим перевесом, не прибегая к подтасовкам. «Трагическое великолепие» подобных систем заключается в том, что «население играет активную роль в их поддержании, нередко даже несмотря на коррупцию, неэффективную политику и отсутствие экономического роста» (с. 19). Выборы — неотъемлемая часть авторитарного эквилибриума, хотя они выполняют здесь иные функции, нежели в условиях демократии. Сверхубедительная победа на выборах (*supermajority*) создает видимость несокрушимости режима: потенциальные перебежчики внутри правящей элиты становятся менее заинтересованными в расколе, а оппозиция утрачивает шансы оспорить результаты голосования. Поэтому системам с гегемонистской партией присуща тенденция к созданию чрезмерных (*oversized*) коалиций, что является совершенно нерациональной стратегией при открытой конкуренции. Правящие силы идут на излишние издержки, связанные с привлечением большего, чем нужно для простого перевеса, числа сторонников, чтобы гарантировать себе массовую поддержку, лояльность оппозиции и целостность элиты.

Существуют три механизма, позволяющие обеспечивать целостность элиты в системах данного типа (с. 18). Первый из них — это тот самый электоральный сверхуспех гегемонистской партии и обусловленная им видимость несокрушимости режима, о которых шла речь выше. В ситуации, когда приход к власти оппозиции кажется невероятным,

с ней не связывают надежд на политическую карьеру. Второй механизм — распределение государственных должностей среди сторонников партии-гегемона и предоставление им возможности использовать эти должности для извлечения персональной выгоды (*rent-seeking*). Третий — установление высоких входных барьеров, затрудняющих доступ на электоральный рынок, посредством манипуляции избирательным законодательством.

В свою очередь, электоральная поддержка гегемонистской партии определяется четырьмя факторами. Во-первых, если в течение нескольких десятилетий в стране непрерывно правит одна партия, гражданам крайне сложно оценить эффективность политики, предлагаемой оппозиционными силами. В условиях, когда степень неопределенности последствий прихода к власти той или иной оппозиционной партии крайне высока, избиратели склонны делать выбор в пользу сохранения *status quo* (с. 58–61). Во-вторых, в системах с гегемонистской партией стратегическое голосование лишено смысла: за какую бы из оппозиционных партий ни проголосовал избиратель, его голос все равно пропадет, так как разрыв между правящей партией и ее конкурентами слишком велик. В-третьих, существует проблема координации действий избирателей. При монополии правящей партии на средства массовой информации избирателю, решившему поддержать оппозицию, трудно предугадать, как поступят его единомышленники (с. 74). В-четвертых, в системах с гегемонистской партией действует «режим наказания» (*punishment regime*) перебежчиков. Правящая партия создает обширную сеть патронажных структур, через которые вознаграждает лояльных избирателей и наказывает нелояльных. Подобный механизм особенно эффективен по отношению к бедным слоям населения, которые в случае перехода к оппозиции рискуют остаться без средств к существованию (с. 66).

Сохранению позиций гегемонистской партии способствует и так называемая дилемма оппозиции. Бросая вызов правящей элите, ни одна из оппозиционных партий не может быть уверена в поддержке других: в ситуации выбора между силовым противостоянием режиму и лояльностью они могут предпочесть лояльность, получив в качестве вознаграждения доступ к государственным ресурсам (*spoils*). Кроме того, оппозиционная партия, решившаяся на насильственное противостояние правящей, рискует потерять своих умеренных сторонников, которые могут перейти на сторону другой оппозиционной партии либо вообще покинуть ряды оппозиции (с. 27).

В последующих шести главах книги автор подвергает представленную модель эмпирическому тестированию.

Вторая глава посвящена выявлению связи между макроэкономическими показателями и голосованием за ИРП. Статистические данные свидетельствуют, что электоральная поддержка ИРП усиливалась в условиях роста экономики и ослабевала во время спада. Однако эта зависимость не является линейной: на президентских выборах 1988 и 1994 гг., несмотря на спад в экономике, доля голосов, полученных кандидатом

от ИРП, была относительно высокой, а выборы 1997 и 2000 гг., проходившие в условиях экономического роста, принесли успех оппозиции (с. 84—85). Что касается общего уровня экономического развития страны, то его повышение играло скорее против ИРП: чем больше увеличивался ВВП на душу населения, тем меньше голосов получала правящая партия (с. 86). Показательно, что еще начиная с 1990 г. богатые муниципалитеты стали переходить под контроль ПНД (с. 88).

В третьей главе Магалони исследует влияние электоральных циклов на экономические показатели, что позволяет ей обнаружить ряд важных закономерностей (увеличение общих расходов правительства перед выборами и их снижение в течение 3—6 месяцев после них, очень низкий средний экономический рост в первый год каждого нового президентства и т.д.), свидетельствующих о наличии своего рода «электоральных бизнес-циклов».

Одна из важнейших опор мексиканского политического режима — политика патронажа — рассматривается в четвертой главе. На основе анализа статистики о ходе реализации правительственной программы снижения бедности (PRONASOL) в 1989—1994 гг. Магалони приходит к выводу, что ИРП не столько вознаграждала лояльных сторонников, сколько покупала лояльность потенциальных перебежчиков. О том, что, увеличивая расходы перед выборами, она действовала в расчете на перспективу, говорит, в частности, тот факт, что больше всего средств направлялось в муниципалитеты, выборы в которых обещали быть конкурентными. Муниципалитеты, в которых ИРП была уверена, получали значительно меньше. После выборов ИРП наказывала перебежчиков, отзывая средства из муниципалитетов, где победила оппозиция (с. 149).

На президентских выборах 2000 г. ИРП потеряла власть, несмотря на высокий рейтинг уходящего президента Эрнесто Седильо и экономический рост. Объяснение этому феномену дается в пятой и седьмой главах. Согласно проведенному автором анализу, для Мексики характерна довольно странная закономерность: избиратели склонны поддерживать правящую партию, когда положительно оценивают экономическую ситуацию в недавнем прошлом, однако отказывают ей в доверии, когда есть основания ожидать наступления хороших времен. Иначе говоря, ретроспективное и перспективное голосование порождают здесь прямо противоположное электоральное поведение. По мнению Магалони, разгадка этого феномена заключается в том, что за 20 лет резких взлетов и падений мексиканцы научились предчувствовать экономический спад после выборов и начали воспринимать высокие темпы роста «как сигнал надвигающихся трудностей, ибо хорошие времена не могут длиться вечно» (с. 174). Собственно, эта потеря веры в способность ИРП справиться с экономическими трудностями и предопределила победу ПНД: «Мексиканские избиратели, похоже, пришли к выводу, что оппозиция способна лучше позаботиться о будущем национальной экономики, не столько потому, что преодолели неопределенность в вопросе о возможностях оппозиции, сколько потому, что утратили веру в ИРП» (с. 203).

В шестой главе, опираясь на данные социологического опроса, Магалони показывает, что по вопросу о роли государства в управлении экономикой две главные оппозиционные партии в Мексике — ПНД и Партия демократической революции (ПДР) — находились на противоположных концах идеологического континуума, что затрудняло координацию между избирателями в борьбе с ИРП, располагавшейся посередине. Однако по вопросам демократии и коррупции медианные избиратели ПДН и ПДР придерживались сходных позиций (с. 184).

В восьмой, заключительной, главе автор предлагает свое объяснение причин, побудивших ИРП мирно передать власть оппозиции в 2000 г. Рассматривая различные сценарии взаимодействия между правящей партией и оппозицией, автор приходит к выводу, что у ИРП просто не было иного выхода. Когда действия оппозиции угрожают полным разрушением общественного порядка, правящая элита уже не может прибегнуть к помощи военных для подавления противостоящих ей сил, ибо армия может поддержать ее противников (с. 129). Аналогичным образом, с возникновением угрозы успешного силового противодействия со стороны оппозиции утрачивает свою эффективность такое средство, как электоральные фальсификации (с. 134). По мнению Магалони, наличие достоверной информации о ходе выборов позволяет решить проблему координации действий избирателей. При отсутствии объективной информации о том, как шло голосование, умеренные избиратели не поверят, что выборы были сфальсифицированы, до тех пор, пока обе оппозиционные партии не начнут оспаривать их результаты, а радикальные избиратели не признают, что выборы были честными, пока обе партии не согласятся с их итогами (с. 233). Если же избиратели обладают такой информацией, то они одобряют соответствующие действия близких к ним оппозиционных партий, а партии, в свою очередь, решат упомянутую выше дилемму оппозиции, поскольку осведомленные избиратели не будут иметь стимулов к пересмотру своих предпочтений.

Источником объективной информации о выборах стал Федеральный электоральный институт (ФЭИ), созданный в ходе избирательной реформы 1994 г. Согласно Магалони, эта «реформа была запущена (triggered) партизанской войной сапатистов в южном штате Чьяпас. Как только война началась, правительство пригласило ПДР и ПДН принять участие в переговорах об электоральной реформе, дабы побудить основных игроков придерживаться „мирных средств достижения власти“... Создание независимого ФЭИ было средством включить членов ПДР в электоральное состязание, дать им реальный шанс и, главное, подчинить их электоральному процессу, чтобы избежать насилия после выборов» (с. 244).

По заключению Магалони, мирная передача власти оппозиции в 2000 г. была вызвана тем, что в сложившейся ситуации фальсификация выборов обернулась бы открытым конфликтом с оппозицией, после которого ИРП все равно не смогла бы удержать свои позиции (с. 254). Особенность выборов 2000 г. состояла в том, что благодаря деятельности ФЭИ поражение ИРП стало общеизвестным и, если бы она прибегла

к электоральным фальсификациям, ей бы пришлось отказаться даже от видимости демократических институтов. При этом новый автократический режим оказался бы очень неустойчивым, так как ни одна из оппозиционных партий не признала бы результаты выборов, пока ИРП не предложила бы ей партнерство в правительстве, и ни одна из оппозиционных партий не смогла бы согласиться на такое партнерство, не уронив себя в глазах собственных сторонников (с. 255).

Эти и многие другие аргументы, представленные в книге, выглядят вполне убедительно. Однако ряд вопросов остается без ответа. В частности, не понятно, что помешало правящей элите воспользоваться политикой патронажа, игравшей, как утверждает автор, ключевую роль в поддержании режима гегемонии ИРП. Судя по приводимым в книге данным о росте ВВП на душу населения (по мере которого снижалась общественная поддержка ИРП), ресурсы для поддержания патронажных сетей у нее были. Стал ли отказ от использования подобных сетей следствием рациональной стратегии конкретных акторов, или же эти сети оказались разрушены в результате интеграции Мексики в мировую экономику либо изменения структуры мексиканской экономики — эти вопросы в книге даже не ставятся.

Из работы Магалони имплицитно следует, что процессы, приведшие к крушению режима гегемонии ИРП, были запущены кризисом песо 1994 г., подорвавшим веру мексиканцев в способность правящей партии решать экономические проблемы, что, в свою очередь, заставило избирателей перейти на сторону оппозиции. Почему же вплоть до 1994 г. никакие экономические передряги, в том числе долговой кризис 1982 г., эту веру не подрывали и электоральное доминирование ИРП было неоспоримым?

Ощущение неудовлетворенности оставляют и рассуждения автора о причинах, побудивших ИРП пойти на уступки оппозиции и инициировать электоральную реформу. Едва ли само по себе выступление сапатистов могло породить у правящей элиты мысль о возможности успешных силовых действий со стороны оппозиционных партий. Видимо, здесь включились какие-то другие факторы, но о них ничего не сказано.

Высказанные выше замечания касаются в основном частных и несколько не умаляют значения рецензируемой работы. Книга Магалони вносит существенный вклад в понимание внутренней логики и динамики развития политических систем с гегемонистской партией. К числу несомненных ее достоинств относится комплексный подход к рассмотрению электорального процесса в условиях недемократического режима. Исследовательница убедительно показывает, что в основе выживания партии-гегемона лежат сразу несколько факторов и при исключении любого из них из анализа нельзя адекватно объяснить общий исход игры. Искусно разработанная ею теоретическая модель выдержала ряд эмпирических тестов, что свидетельствует о точности проведенного анализа и валидности полученных результатов.